

Natalia Babienko

Проблема стилистической адекватности перевода : (на материале переводов поэтических текстов Л. Стаффа, Ю. Тувима, О. Мандельштама)

Acta Polono-Ruthenica 1, 167-176

1996

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Natalia Babienko
Kaliningrad

**Проблема стилистической адекватности перевода
(на материале переводов поэтических текстов
Л. Стаффа, Ю. Тувима, О. Мандельштама)**

Перевод (особенно поэтического текста), будучи искусством перевыражения, приводя к „неизбежному насилию над семантикой языка оригинала”¹, может быть лишь относительно равнозначным подлиннику. Высокопрофессиональные переводчики стремятся следовать таким заповедям переводческой деятельности, как особое внимание к характеру словаря, индивидуальным авторским приемам (проявлениям окказионального на разных уровнях), переходам эмоционально-экспрессивного тона повествования. Безусловно, особенно трудно поддается передаче индивидуально-стилевая информация, заключенная в оригинале. И хотя сохранение стиля – требование проблематичное, а пословная близость к подлиннику – не мерило качества перевода, сопоставительный анализ лексических, морфологических, синтаксических единиц, являющихся стилемами, необходим, поскольку проясняет возможные пути совершенствования переводов, позволяет приблизиться к тайне максимально гармонического перевыражения поэтического произведения одного языка средствами другого.

Филологу (переводчику или критику-исследователю) следует быть эстетически чувствительным, бдительным по отношению к самой малой частности структуры поэтического текста. „Как часто от того, правильно или неправильно прочитано и понято хотя бы одно только слово, зависит участь целого произведения.”² В результате возникновения при переводе лексических несоответствий, морфологического, синтаксического или пунктуационного „произвола”

---

¹ И. Левый, *Искусство перевода*, Москва 1974, с. 78.

² Л. Гинзбург, *Вначале было слово*, [в:] *Мастерство перевода*, Москва 1959, с. 287.

переводчика могут быть подвергнуты искажению концептуальная, имплицитная, коннотативная информация, даже фактуальная сторона текста. Анализируемые далее примеры поэтических переводов с русского на польский и с польского на русский явятся иллюстрацией и доказательством вышесказанного.

Сопоставим польский оригинал – стихотворение Леопольда Стаффа *Zachód jesienny* и русский перевод А. Эппеля:

Przeszłość jak ogród zaczarowany,
Przyszłość jak pełna owoców misa,
Liści opadłych złote dywany,
Winograd ognia strzępami zwisa.

Zmierzch, jak dzieciństwo, roztacza cudy,
Barwne muzyki miast myśli przędzie.
Nie ma pamięci i nie ma złudy.
Wszystko jest prawdą. Wszystko jest wszędzie.

Sok purpurowe rozpięra grono
Na dni jesiennych wino wyborne.
Wszystko dziś piękne było. Niech płoną
Rudoczerwone lasy wieczorne.

Лето плутало в садах чародея,
Осень осталась в кистях винограда.
Грозди висят, пламеня и рдея,
Меж золоченых рогож листопада.

Вечер, густея, кудесит, как детство,
Мысли мешает в цветную причуду.
Ни сожалений, ни лицедейства –
Все тут заправду. И все есть повсюду.

Сок распирает нутро винограду,
Терпким вином колобродит и ропщет.
День удался. Полыхайте в награду,
Рыже-багровые к вечеру рощи.

Стихотворение Л. Стаффа *Осенний закат* – чарующая лирическая зарисовка о щедрости, красоте осени, прошлого, жизни вообще, о сродстве человека и природы. Переводчику в значительной мере удалось передать содержание оригинала, скомпоновав семантическое поле „красочного волшебства осени”, которое составляют лексемы различной частеречной принадлежности: „чародей”, „кудесит”, „причуда”, „лицедейство”, „пламенея”, „рдея”, „золоченых”, „цветную”. К сожалению, в переводе не отражен один из ключевых мотивов стихотворения – мотив прошлого, подчеркнутый анафорическим употреблением лексемы „przeszłość” („прошлое”), в результате чего текст утратил темпоральную глубину, временные уровни которой обозначены лексемами „przeszłość”, „dzieciństwo”, „dziś”.

Явно неудачен перевод прилагательного „rudoczerwone” композитным новообразованием „рыже-багровые”, поскольку прилагательное „багровый” обладает в современном русском языке отрицательной экспрессией, противоречащей эмоциональной окраске всего стихотворения. Куда более уместным было бы употребление другого прилагательного группы красного тона – „багряный”, которое характеризуется частотным употреблением с наименованиями натурфактов и обладает устойчивой положительной экспрессией („Роняет лес багряный свой убор” – Пушкин; „Солнце опускалось в море. На небе тихо гасла багряная заря” – Горький). Коннотативные различия прилагательных „багровый” и „багряный” обусловлены отличием цветовых характеристик, ими передаваемых: „багровый” – „густо-красный, пурпурный с фиолетовым оттенком” (БАС в 20-ти тт., т. 1, с. 289)³, „багряный” – „самый яркий и самый чистый красный” (Сл. Даля, т. 1, с. 36).⁴ Переводчик мог прибегнуть и к дословному переводу прилагательного „rudoczerwone” – „рыже-красные”. В этом случае перевод отвечал бы авторскому замыслу употребления в качестве второй основы композита прилагательного – доминанты синонимического ряда прилагательных красного тона,

³ См. Список условных сокращений в конце статьи.

⁴ Ценная информация по данному вопросу содержится в статье Р. Алимпиевой *Взаимодействие русской и польской систем цветообозначений в аспекте художественного перевода*, [в:] *Polsko-wschodniosłowiańskie powiązania kulturowe, literackie i językowe. 2. Językoznawstwo i translatoryka*, Olsztyn 1995, с. 87-94.

которое „интегрирует и нейтрализует в себе градационные признаки соседних членов ряда”⁵.

Как справедливо замечает Е.И. Шендельс, „в создании образности на равных правах участвуют лексика и грамматика”⁶. В анализируемом переводе вряд ли следовало переводить описательный оборот „*niech piona*” со значением косвенного императива в его разрешительно-желательной разновидности прямым императивом „*польхайте*”. Употребление специализированной формы повелительного наклонения смещает смысловые акценты в стихотворении, чрезмерно усиливая волевые рефлексии лирического героя.

Иного рода наблюдения позволяют сделать сопоставительный анализ стихотворения О. Мандельштама *Я скажу тебе с последней прямой...* и польского перевода М. Лесневской:

Я скажу тебе с последней
Прямой:
Все лишь бредни – шерри-бренди,-
Ангел мой.

Там, где элину сияла
Красота,
Мне из черных дыр зияла
Срамота.

Греки сбондили Елену
По волнам,
Ну, а мне – соленой пеной
По губам.

По губам меня помажет
Пустота,
Строгий кукиш мне покажет
Нищета.

⁵ Л. Зубова, *Потенциальные свойства языка в поэтической речи М. Цветаевой*, Ленинград 1987, с. 7.

⁶ Е. Шендельс, *Совместимость/несовместимость грамматических и лексических значений*, „Вопросы языкознания”, 1982, № 4, с. 81.

Ой ли, так ли, дуй ли, вей ли,
Все равно;
Ангел Мэри, пей коктейли,
Дуй вино!

Я скажу тебе с последней
Прямотой:
Все лишь бредни – шерри-бренди, -
Ангел мой.

Prosto z mostu mówić będę,
Dosyc bujd!
Wszystko brednie, sherry brandy,
Skarbie mój!

Gdzie Hellenom blaski snuje
Piękna wzór –
We mnie hańba się wpatruje
Z czarnych dziur.

Grecy morzem rwali z panna,
Fali błysk –
Mnie natomiast – słoń piana
Prosto w pysk!

Teraz wargi mi pomaze
Puste szkło,
Figę z makiem mi pokaże
Nędzy dno.

Źle czy dobrze - to chimery,
Tak czy siak,
Źłop koktajle, słodka Mery,
W nich jest smak.

Prosto z mostu mówić będę,
Dosyc bujd:

Wszystko brednie, sherry brandy,
Skarbie mój!

Шутливая и горькая одновременно интонация стихотворения Мандельштама создается резким (и дерзким) столкновением отрицательно окрашенной просторечной лексики и положительно окрашенной общеупотребительной и книжной лексики. С одной стороны, лексемы „ангел”, „красота”; „сиять”, „эллины”; с другой – „срамота”, „сбондили”, „кукиш”, „дуй” в значении „лей”. Такое смешение лексических средств с разной стилистической принадлежностью и создает эффект „шерри-бренди”. Как же выглядит лексика перевода в сопоставлении с оригиналом? М. Лесневская смягчила заявленный в источнике контраст, резкость выражений. Так, если в оригинале сказано „Мне из черных дыр зияла срамота”, то в переводе „We mnie hańba się wpatruje z czarnych dziur”, где существительное „hańba” – нейтральная доминанта синонимического ряда „hańba”, „niesława”, „sromota”, тогда как русское существительное „срамота” является самым экспрессивным компонентом синонимического ряда „позор”, „стыд”, „срам”, „срамота”, отмечено пометой „просторечное” (МАС, т. 3, с. 327).

Просторечный глагол „сбондили” синонимичен нейтральному литературному „украли”. Соответствующий синонимический ряд („похитить”, „украсть”, „стащить”, „стянуть”, „стибрить”, „слямзить”, „сбондить”...), должно быть, и в польском языке имеет много просторечных компонентов, помимо литературных „wykraść”, „pogwałć”, „zgrabować”, но переводчик остановился на варианте создания собственной фразы, в состав которой не входит ни один из соответствующих глаголов-синонимов: „Grecy mogzem gwałi z ranna”. Таким образом, в тексте перевода лексика сниженная, характеризующаяся коннотацией пейоративности и жаргонности, представлена беднее, чем в оригинале: „pysk”, „żłop”, „figa z makiem”.

Изменено в переводе и обращение: вместо „ангел мой” - „skarbie mój” и „słodka Mery”. Очевидно, такая замена свидетельствует о прагматической адаптации текста оригинала: переводчик постарался не оскорбить, пощадить религиозно-нравственное чувство соотечественников слишком резким сближением лексемы, принадлежащей религиозной словесной парадигме, и грубо-просторечной

лексики. Технически переводчику было легко сохранить обращение „ангел мой” – „aniele mój”, но этические, культурологические причины не позволили осуществить дословный перевод.

Недостаточная семантическая близость перевода и оригинала может быть вызвана тем обстоятельством, что переводчик не чувствует всего объема семантики в данном контекстном окружении, необычности (окациональности) дистрибуции узуальной лексемы. Например, строки Мандельштама „...красота – не прихоть полу-бога, а **хищный глазомер** простого столяра” переведены на польский так: „piękno nie jest zachcianką półboga, Ale prostego cieśli **mier-nikiem surowym**.” Между тем лексема „surowy” практически идентична по своему семантическому объему русскому прилагательному „суровый”, что делает совершенно точным дословный перевод другой поэтической фразы Мандельштама:

Встречает пьяного Сократа
Суровая жена!

Wita spitego Sokratesa
Surowa jego żona.

Таким образом, прилагательное „surowy” не является переводным эквивалентом прилагательного „хищный” в индивидуально-авторском употреблении. Отчасти лексема „drapieżny” могла бы послужить средством перевода, поскольку семы цепкости, хваткости, азарта потенциально присутствуют в семантике этого слова, но названным элементам смысла трудно актуализироваться в пределах контекста стихотворения вне творческого контекста всего наследия Мандельштама, характерной чертой идиостилия которого является создание и активное использование так называемых „необычных сочетаний слов”.

Частотным является использование Мандельштамом необычных атрибутивных словосочетаний с прилагательным „дремучий”:

Когда городская выходит на стогны луна,
И медленно ей озаряется город дремучий,
И ночь нарастает, унынья и меди полна.
И грубому времени воск уступает певучий...

Gdy łuna stołeczna wypływa nad place pomalu,
I miasta uśpiony, matecznik poświatą ogarnia,
Rozwarstwia się noc, ponurością i miedzią spęczniała,
I wiek rozśpiewany się cofa przed erą brutalną...

***

Я наравне с другими
Хочу тебе служить,
От ревности сухими
Губами ворожить.
Не утоляет слово
Мне пересохших уст,
И без тебя мне снова
Дремучий воздух пуст.

A więc i ja z innymi
Zgadzam się tobie służyć,
Z zazdrości wyschniętymi
Wargami przyszłość wróżyć.
Nie zaspokaja słowo
Spierzchniętych z żądz ust mi,
I gęsty świat na nowo
Bez ciebie jest mi pusty.

***

Не отвязать неприкрепленной лодки,
Не услышать в меха обутой тени,
Не превозмочь в дремучей жизни страха.

Na pełnej wodzie łódki nie odwiążesz
Ani usłyszysz zjawy w miękkich ciżmach,
Nie zmażesz lęku w nieobeszłym życiu.

Как видим, смысл словосочетаний „дремучий город”, „дремучий воздух”, „дремучая жизнь” передается в переводах сочетаниями существительных „miasto”, „świat”, „życie” с прилагательными, которые выражают разные элементы значения русского прилагательного „дремучий” („uśpiony”, „gęsty”) или содержат новый смысл, привнесенный в стихотворение переводчиком („nieobeszła”). При этом степень адекватности перевода низка, так как оказываются утраченными не только частотность лексемы, являющейся стилемой, но и инвариантное значение словосочетаний „дремучий город”, „дремучий воздух”, „дремучая жизнь”: значение „тяжелый для преодоления” („дремучий город” – такой, в котором трудно жить, существовать; „дремучий воздух” – такой, которым трудно дышать; „дремучая жизнь” – такая, в которой трудно, почти невозможно выжить). Утрата важной для автора стилиемы вызвана в данном случае тем, что в языке перевода нет лексического эквивалента, способного „образить” в контексте стихотворений вышеназванными приращениями смысла.

Эстетически значимы и функционально нагружены в поэтическом тексте и знаки препинания, и синтаксическая структура предложения. Переводчик должен быть внимателен к знакам-факторам, должен в полной мере осознавать их роль в поэтическом произведении как системе разноуровневых языковых средств. Так, в стихотворении Ю. Тувима *O nas, zakochanych* (*O нас, влюбленных*) важнейшим средством создания имплицитности является многоточие. Приведем отрывок текста оригинала и перевода Д. Самойлова:

Ale tak wspomną, jak się wspomina
Ziemi majowej tchnienie szczęśliwe,
.....
I tę polanę... gdzie ta dziewczyna...
I ten wiersz do Niej... jak się zaczynał?..

И так нас вспомнят, как вспоминают
Майской земли счастливые вздохи,
.....
Или тот луг, где дивчина гуляет...
Или тот стих... как там было вначале?

В переводе в сравнении с оригиналом в два раза меньше многоточий, что резко уменьшило глубину подтекста, существенно ослабило ретроспективность всего стихотворения. Усиливает неточность перевода произведенная переводчиком модификация синтаксической структуры: на месте двух недообразованных структур употреблено сложноподчиненное предложение с определительным придаточным („Или тот луг, где дивчина гуляет” вместо „I tę rolę... gdzie ta dziewczyna...”).

Таким образом, нежелательные трансформации, приводящие к содержательным и эстетическим потерям, проистекают не столько из различий языковых систем (польской и русской), сколько из особенностей восприятия оригинала переводчиком, из недостаточности филологического знания лексической и грамматической структуры переводимого текста, его коннотативных характеристик, культурного фона. Только максимально точное перевыражение ключевых стилем оригинала может обеспечить стилистическую адекватность перевода.

Литература

1. *Антология польской поэзии*, [в:] *Библиотека всемирной литературы. Поэзия социалистических стран Европы*, Москва 1976.
2. Osip Mandelsztam, *Poezje*, Kraków - Wrocław 1984.
3. *Ze struny na strunę. Wiersze poetów Polski Odrodzonej 1918 - 1978*, Kraków 1980.

Список условных сокращений

- БАС в 20-ти тт. – *Словарь современного русского литературного языка: В 20-ти тт.*, т. 1, Москва 1991.
- МАС – *Словарь русского языка: В 4-х тт.*, Москва 1957 - 1961.
- Podręczny słownik polsko-rosyjski: 1-2 t.*, Warszawa - Moskwa 1985.
- Русско-польский словарь*, Киев 1981.
- Сл. Даля – *Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х тт.*, Москва 1978 - 1980.